

Система локальных инструментальных традиций Верхнего Поволжья (на примере музыкальной культуры пастухов и охотников)

Сообщение (статья) опирается на публикации Привалова, С. Старостина, К. Бромлей, В. Смирнова, О. Гордиенко и свои собственные полевые исследования во Владимирской, Смоленской, Тверской, Московской, Костромской, Ивановской, Нижегородской и Ярославской областях.¹

Охотничья инструментальная традиция Верхней Волги, на мой взгляд, по сравнению с пастушьей, является более однородной: две группы инструментов и звуковых орудий, применяемых охотниками, почти совпадают во всём регионе.

Первая группа – *сигнальная*. Сигналы подавались при групповой охоте друг другу с помощью специальных рогов и дула ружья («трубили в ружьё» амбушюрным способом), иногда – в пороховницу, сделанную из бычьего рога. Сигналы о начале загона и конце охоты издавались тоекратно.

Сигналы также были необходимы «гончатникам» и на любой псовой охоте на зайца, белку, уток. Для этого летом охотники «натаскивают» и сейчас своих собак с помощью специальных рогов и сигналов, раздающихся в лесу на несколько километров. Сигналы по ритмике, тембру и мелодике очень разнообразны, но главное - они дают возможность псам быстро вернуться к своим хозяевам. Рога в охотничьей практике встречаются фабричные медные специальные, переделанные из других инструментов (например, пионерского горна), самодельные (из жести, бычьего рога) или

---

¹ Пастушьими инструментами я начала интересоваться во время первых экспедиций в Московскую область в начале 70-х годов (под влиянием первого преподавателя по фольклору И. А. Богданова), а охотничьими - с середины 80-х годов уже работая в Костромской области.

родственного назначения и приспособленные для этих целей (железнодорожный рожок, детские звуковые игрушки).

Вторая группа – основана на *звукоподражании голосам животных*, птиц, грызунов и служила для вызывания инстинктивных реакций хищников: например, на лису охотились, изображая голос зайца, попавшего в капкан, кряканье подбитой утки, скрип грызунов и пр.

Изображать голоса животных называется и по сей день во всём верхневолжском регионе - «вабить» с помощью голоса человека, его рук, свиста и простейших приспособлений с целью их приманивания. Охотничьи манки, соответственно называются «вабики», а сами имитации - «ваба на лося», или «вабить по-волчьи». Охотничьи кличи-имитации связаны со стремлением предельно точно, в деталях воспроизвести крик животного, птицы. При этом улавливается и копируется весь комплекс звуковых средств, присущих голосам животных и птиц (тембр, насыщенность, ритмика, как соотношение кратких и продолжительных периодов звучания) общая продолжительность, редукция гласных и пр.

Во всех верхневолжских областях «чувыхали» или «чуфыкали» тетеревом с помощью особым образом сложенных ладоней, на рябчиков использовали манки из заячьей, куриной косточки или соснового сучка, в настоящее время используют магазинные металлические свистки. Уток имитируют также с помощью магазинных манков. Крик зайца изображали с помощью тонкой полоски бересты, самца лося для приманки самки – голосом («охаёт, стонет как больной человек»). Самым сложным считается «Выть по-волчьи». Для этого брали стекло от керосиновой лампы, а в наши дни другой резонатор (например, берестяной раструб). Углубившись в лес, подходили к сосне, направляя на неё звук, и имитировали вой вожака стаи или волчицы. После этого прислушивались и, если ничего не слышали, переходили в другое место. На этот звук откликались волчата в логове.

Таким образом, определяли местонахождение логова и забирали волчат, уменьшая численность волков².

Иногда, сидя в засаде («на номерах») охотники, не нарушая покой леса, могли «переговариваться» с помощью имитации разных посвистов птиц (или изображая дробь дятла), предварительно договорившись о передаваемой информации.

Таким образом, охотничья традиция Верхней Волги является очень однородной (монолитной). И это не удивительно: одинаковые условия и способы охоты, тот же состав зверей и птиц, на которых охотятся. Разнообразят её лишь некоторые факты бытования (то есть небольшие изобретения отдельных охотников - новые звуковые орудия, приспособленные для извлечения голосов животных.) Так, например, в Зубцовском районе Тверской области один из егерей сделал манок на лису из футляра карманного фонарика с натянутой леской. С ним он садился на опушке леса у стога и по леске «скрипел» пальцами, изображая писк мышей-полёвок. В пос. Островское стеклянный колпак керосиновой лампы заменили на аэрозольный баллон, что сделало резонатор более прочным).

Пастушья традиция Верхней Волги была более разнообразной, чем охотничья. Хотя в разных традициях в быте пастухов много было общего: сезон пастьбы (от Егорьева дня до Покрова), условия пастьбы, необходимость в различных звуковых орудиях (кнутов, нашейных колокольчиков для блудливых животных) инструментов для подачи различных сигналов (утренних и вечерних для хозяев, сманивающих и сборных сигналов животным во время пастьбы) и отпугивающих звуков для лесных хищников. И чем труднее были условия для пастьбы, тем больше магических обрядов и практик обеспечивали целостность стада (егорьевские обряды, обход стада с магическим заговором, договор и общение с лесными

---

² Это делалось в случае массовых «бесчинств» волков, которые в голодные годы уничтожали много домашнего скота и даже собак в деревнях и посёлках.

хозяевами). Инструменты пастухов были *полифункциональными*. В больших сёлах и посёлках была принята отдельная пастьба различных животных и применение разных инструментов. Существовала целая система найма пастухов и расчёта с ними. Играющих на пастушьих инструментах ценили больше, и соответственно оплачивался их труд. Для большого стада нанимали старшего пастуха (играющего), который подбирал себе помощников и во время совместной работы мог обучить их игре на рогах и трубах.

Из статей С. Старостина и карты, приложенной к ним, мы знаем, что в тверском Поволжье в Ржевском, Зубцовском и Старицком районах на обеих берегах Волги бытовала развитая традиция игры на двух-трёхсоставной жалеке с 5 игровыми отверстиями, пищиком и раструбом из бычьего рога – «рожке»³. Причём, играли сольно и ансамблем, помимо сигнальных, и песенные, и плясовые наигрыши. В этих нечернозёмных районах среди других отхожих промыслов существовал также и пастуший. Показателен рассказ о себе известного по фильму и статьям С. Старостина пастуха-рожечника С. Красильщикова⁴ из с. Столыпина Зубцовского р-на:

Пас с малолетства - с 9 лет. Научился играть от отца. У нас в Калининской области больше было рожешников. Мы в Московской области пасли. И вот я пас от Тучкова, от Дедова (Дедовска?) и до самого до Ржева – это вся моя сторона. Я всю Москву – от Крюкова до самой Москвы пройду и знаю, где я жил и где я пас. Нанимался отец, а меня он как подпаска брал. Наймут

---

³ Севернее этих мест во второй половине 20 века бытовали деревянные трубы без пальцевых отверстий. Также облегчали пастухам их нелёгкий труд двухсоставные жалеки с берестяным раструбом и 2-3 пальцевыми отверстиями, на которых возможно было сыграть только сигнальные наигрыши. В их основе были словесные традиционные формулы, исполняющие не только сигнальную, но и магическую функции. Назывались эти варианты жалеек «рог», «свирель» и «труба» (описано у С. Н. Старостина в статье «Музыкальные инструменты верхневолжских пастухов»). Мужской сборник, вып.1, с.184

⁴ КРАСИЛЬЩИКОВ СЕРГЕЙ ОСИПОВИЧ (1909 Г.Р.) Экспедиция Кирюшиной Т. В. 1990 года в Тверскую область, Зубцовский р-н, с. Столыпина ; 1 кассета (СД 531)

меня там на лето, а осенью приезжаю домой. Вот такая моя была работа. Потом в армии, трактористом был, и бригадиром, и председателем был. Потом война... инвалидом стал и опять пастухи пошёл.

Как видно из приведённой выше части рассказа, в Зубцовском районе Тверской области существовал пастуший профессионализм. Пастухи-отходники использовали самый сложный вид жалейки – «зубцовский рожок». Зубцовский рожок был песенным, хотя и совершенно другим по звукоизвлечению, чем владимирский. Центром этой традиции является село Ульяново Зубцовского р-на. Здесь собирались пастухи перед сезоном, и проходил найм пастушьих бригад. Зубцовские пастухи нанимались в Московскую и Санкт-Петербургскую области. На территории Московской области «зубцы» и «владимирцы» конкурировали и иногда соревновались на праздниках (об этом можно прочесть в книге «Русский рожок»).

Волга являлась границей между отходническими пастушьими традициями и своими, местными (то есть теми, где скот пасли свои пастухи, из местных жителей).

Не только сама Верхняя Волга, но и её притоки делили всю окружающую территорию (Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Ивановскую, Нижегородскую, Владимирскую области) на узколокальные фольклорные традиции, которые при многих схожих условиях бытования всё-таки отличались друг от друга. Левые берега и притоки Волги были более глухими, удалёнными от цивилизации, лесистыми, болотистыми.⁵ По сведениям К. Бромлей, на ярославском левобережье Волги бытовали пастушьи рога и трубы менее сложной конструкции и технологии изготовления, чисто «сигнального» назначения⁶. На территории Костромской области основным пастушьим инструментом был пастуший барабан, бытовал

---

⁵ Об этом писали многие исследователи пастушества: С. Старостин, и К. Бромлей, и А. Абрамова и др.

⁶ См. статьи К. М. Бромлей.

также берестяной рог с двойным язычком. И только в отделённом Волгой Нерехтском районе и частично на самих берегах Волги (ныне – Ивановская область) местные жители наслаждались звуками владимирских рожков. То же самое видим мы в Нижегородской области.

Другая картина наблюдается на правобережной Волге. Здесь развивалась более развитая музыкальная традиция музицирования на сложнейшем по звукоизвлечению пастушьем инструменте – владимирском песенном рожке. Главной причиной и стимулом развития этой традиции стали отхожие промыслы, которыми вынуждены были заниматься в Нечерноземье владимирские крестьяне. Сказывалась также нехватка земли (пахотной и для пастбищ). Скот приходилось пасти в лесах, поэтому главным орудием пастухов стал амбушюрный рожок, который произошёл от деревянной трубы. Это прочный и надёжный инструмент с сильным приятным звуком, поэтому он быстро (в течение двух веков) развивался и стал популярным. Постепенно с появлением игровых отверстий наёмные пастухи овладевали не только своей местной песенной традицией и играли песенные и танцевальные напевы в свободное время и на праздниках. Но и интересовались соседними, особенно теми, куда нанимались. Новым сложным напевам соответствовали и сами инструменты: те же деревянные трубы, но с пальцевыми отверстиями и широким диапазоном звуков. Поэтому их стали называть «песенными». О происхождении владимирского рожка из трубы свидетельствует пастушья терминология. На рожке они «трубят», их «трубля» нравилась местным жителям, особенно когда они по утрам будили хозяев песнями. При ансамблевой игре они, мысленно пропевая слова песни, воспроизводили местную вокальную фактуру. Постепенно развивались и разновидности таких инструментов: рожки (или визгунки), басы, полубаски и подбаски для сольной игры. Владимирские пастухи нанимались на сезон пастьбы в соседние области: Ивановскую, Костромскую, Ярославскую, Московскую, Нижегородскую. В помощь брали

своих сыновей или нанимали молодёжь на месте работы. Во время пастьбы обучали не только премудростям пастьбы, но и игре на инструментах. Сначала учили сигналам, а затем по желанию и способностям – песням. И постепенно в этих местах сложилось две традиции игры: владимирско-ивановская и ярославско-костромская. Последняя отличалась от коренной владимирской меньшей виртуозностью (и инструментальностью) игры, но большей «песенностью» - сдержанностью темпов, большей орнаментальностью в мелодических вариантах, гетерофонной основой многоголосия. Её очень хорошо описала в своих статьях К. М. Бромлей ⁷, объясняя причину рождения своей «школы» нежеланием играть на точёных рожках (или не имея возможности приобретать их). Но постепенно пастухи овладевали и другими инструментами и в свободное от пастьбы время совершенствовались игрой на них. Постоянно принимая участие в престольных, календарных и семейных праздниках и обрядах, они становились мультиинструменталистами и настоящими профессиональными музыкантами. Поэтому не удивительно их высокое мастерство в знаменитых «хорах» рожечников Кондратьева, Пахарева, Сулимова и др.

Пастухи-отходники восточной части Владимирской области (в пойме реки Оки), Нижегородской и Рязанской областей играли на одинарных и двойных жалейках трёхсоставной конструкции (с тростниковым пищиком и берестяным раструбом). Этот вид жалейки исследован и описан О. Гордиенко. По его сведениям, одинарная приокская жалейка («ладница», ладуша») используется только сольно. На ней играют сигналы и песни. Двойная же жалейка довольно капризна в изготовлении, требует большого расхода воздуха при игре и использовалась только для аккомпанемента песням и пляскам. Таким образом, двухголосное изложение напева компенсировало в какой-то мере ансамблевую игру.

---

⁷ Ярославский рожок.//Русские рожечники: сб. статей. М.,1990. С. 225

Таким образом, музыкальная традиция Верхневолжских пастухов очень многообразна, предстает собой развитую систему узколокальных традиций, расположенных по берегам Волги и в её бассейне (на притоках).

Известно, что пастушество является одной из составных частей местной традиционной культуры. У пастухов-отходников Верхней Волги орудиями труда были довольно сложные по изготовлению и звукообразованию инструменты. Их полифункциональность, речевая основа сигналов, ансамблевое песенное музицирование сильно отличались от музыки местных пастухов. По сути, пастухи-отходники являлись музыкантами-профессионалами в своей традиции, и им также был присущ мультиинструментализм. Строй их пастушьих инструментов был своеобразен, репертуар обширен, хотя в нём и преобладал песенный стиль городского происхождения, а также советские песни (Катюша и др.) Но в целом такое исключительно русское исконное явление не случайно появилось и развивалось в бассейне Верхней Волги. Оно было тесно связано с песенной культурой данного региона. В настоящее время эта традиция угасла. В сценической жизни её пытаются продолжить некоторые владимирские, костромские и подмосковные любительские коллективы, которые собирались несколько раз на фестивали «Русский рожок» в разных городах (Нерехте, Костроме, Суздале, Москве). Хочется верить, что эта замечательная традиция не заглотнет, а будет продолжаться и дальше.